

БИБЛЕЙСКАЯ КНИГА ПЛАЧА КАК ОДИН ИЗ АРХЕТЕКСТОВ ПОЭЗИИ МАРТИНА ОПИЦА

Г. В. СИНИЛО

**канд. филол. наук, доцент, профессор кафедры культурологии
(Белорусский государственный университет, Минск)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию библейской архетекстуальности, связанной с Книгой Плача (Плачем Иеремии) в поэзии немецкого поэта XVII в. Мартина Опица (Martin Opitz), заложившего фундамент немецкой национальной поэзии, сказавшего новое слово в жанре переложения (парафразы) библейских текстов. Впервые рассматривается поэтика религиозно-философской поэмы М. Опица «Песни-плачи Иеремии» («Die Klag-Lieder Jeremiae», 1626), в которых немецкий поэт через призму библейской книги осмысливает трагедию Германии в годы Тридцатилетней войны, с помощью близкой ему религиозно-этической концепции Книги Плача ищет выхода из социального и духовного кризиса. Мотивы Книги Плача звучат также и в других произведениях М. Опица, в которых, как и в его переложении Плача, очевиден синтез ученого классицизма и барокко. Установлено, что под влиянием библейской поэтики в поэзии М. Опица усиливаются черты барокко. Опиц создает первую на немецком языке иеремиаду – лирическую поэму-плач и одновременно поэму-проповедь, оплакивающую страдания родины и предлагающие признание вины, истинное покаяние и верность Богу как путь изменения судьбы.

Ключевые слова: Библия, Книга Плача (Плач Иеремии), лирическая траурная поэма, переложение (парафраза), иеремиада, немецкая поэзия XVII в., классицизм, барокко, религиозно-философская поэма, М. Опиц.

THE BIBLICAL BOOK OF LAMENTATIONS AS ONE OF THE ARCHETEXTS OF THE POETRY BY MARTIN OPITZ

**G. SINILO, PhD (philology), professor at Cultural Studies dep.
(Belarusian State University, Minsk)**

Abstract. The paper explores biblical archetextuality associated with the Book of Lamentation (the Lamentations of Jeremiah) in the poetry of the 17th century German poet Martin Opitz, who laid the foundation of German national poetry and said a new word in the genre of paraphrase of the biblical texts. The poetics of M. Opitz's a religious and philosophical poem "The Songs of Lamentation of Jeremiah" (Die Klag-Lieder Jeremiae, 1626), in which the German poet through the prism of the Bible gives his understanding of the tragedy of Germany in the Thirty Years' War. He is also seeking the way out of the social and spiritual crisis with the help of the religious and ethical concept of the Book of Lamentations. The motives of the Lamentations of Jeremiah can be also found in M. Opitz's other works, in which, like in his paraphrase of the Lamentations, the synthesis of Classicism and Baroque is evident. It is proved that the features of Baroque are strengthened in M. Opitz's poetry under the influence of the biblical poetics. For the first time in the German language Opitz creates Jeremiad – a

lyrical poem-lamentation and at the same time a poem-sermon that mourns the sufferings of the homeland and offers the confession of guilt, true repentance and faithfulness to God as the way of changing destiny.

Key words: *The Bible, The Book of Lamentations (The Lamentations of Jeremiah), lyrical poem-lamentation, paraphrase, Jeremiad, German poetry of the 17th century, Classicism, Baroque, religious and philosophical poem, M. Opitz.*

Введение. Среди великих книг, рожденных мировой культурой, есть немногие, имеющие совершенно особый статус: они становятся «ядром», вокруг которого выстраивает себя та или иная культура, или «осью», вокруг которой «вращаются» ее генеральные смыслы и рождаются новые тексты. Чаще всего такую роль выполняют Священные Писания, связанные с обширными культурными ареалами, перешагивающими границы сугубо национальных культур: Веды – для культуры индуизма, Трипитака – для буддийской культуры, Коран – для мусульманского мира, Библия – для иудейско-христианской культуры. Такого рода текст может быть определен как «осевой» архетекст – как древний текст, стоящий у истоков определенной культуры (текст-в-начале), обладающий для нее особой аксиологической и художественной значимостью, повышенной степенью реинтерпретируемости, реферируемости, цитируемости. «Осевой» архетекст выполняет активную текстопорождающую функцию и является своего рода культурным «кодом», необходимым для понимания той или иной культуры, для «дешифровки» порожденных ею литературных произведений. Архетекстуальную роль выполняют для каждой литературы ее древние тексты, признанные образцовыми (например, «Песнь о Нибелунгах» – для немецкой культуры, «Слово о полку Игоревом» – для русской, «Калевала» – для финской и т. п.). Однако для всей европейской литературы наиболее значимыми архетекстами являются гомеровский эпос (и в целом античная литература как единый текст) и Библия. При этом роль Библии как «осевого» архетекста значительнее и шире: именно она определила религиозные и духовно-этические основания европейской культуры, а также значительно повлияла и продолжает влиять на ее художественные поиски. Роль библейской эстетики и поэтики оказывается не менее значимой, чем эллинская, особенно в трагические, переломные эпохи – такие, как XVII век (прежде всего барокко), конец XVIII – первая треть XIX в. (поздний сентиментализм, преромантизм, романтизм), рубеж XIX–XX вв. (особенно неоромантизм, символизм и экспрессионизм).

Как известно, для многих культур освоение Библии, ее адаптация на родном языке сыграли важнейшую роль в становлении письменности и национальной литературной традиции. В преддверии Нового времени – в эпоху Реформации – это особенно очевидно на примере Германии, где перевод Библии, выполненный М. Лютером с оригинала (с древнееврейского и древнегреческого языков), заложил фундамент немецкого литературного языка и дал первые образцы религиозно-

философской поэзии и прозы на немецком языке. Перевод Лютера, а также его талантливые переложения Псалмов, создали прецедент более свободного обращения с библейским текстом, собственного творчества на его основе. В XVII в., в эпоху Тридцатилетней войны, происходит – вопреки национальной катастрофе и благодаря поискам выхода из нее – становление подлинной немецкой поэзии, и большую роль в этом сыграла Библия, явившаяся не только духовной опорой, но и эстетическим эталоном для немецких поэтов. Особенно важную роль сыграли лирические книги Библии – Псалтирь, Плач Иеремии, Песнь Песней, Книга Экклесиаста, и не только как архе-, но и как архитексты, определившие жанровые и стилевые поиски немецких поэтов эпохи барокко. Это демонстрирует уже творчество Мартина Опица (1597–1639), великого реформатора немецкой поэзии, на протяжении своего двадцатилетнего творческого пути пребывавшего в интенсивном диалоге с Библией, создавшего многочисленные переложения Псалмов и – впервые на немецком языке – целостные переложения Песни Песней и Плача Иеремии.

Книга Плача, приписываемая религиозной традицией Иеремии, была одной из самых востребованных библейских книг для немецких поэтов XVII в., особенно в годы Тридцатилетней войны. Она воспринималась как вневременная парадигма скорби, через которую поэты Нового времени выражали собственную боль и боль своего народа, чувство вины и покаяния, но одновременно и надежду на обретение мира и возрождение Германии. *Кинот* (Плачи) – так называется эта книга в Танахе, оригинальном тексте Ветхого Завета, ибо она состоит из серии плачей и представляет собой религиозно-философскую траурную поэму, оплакивающую разрушение Иерусалима и Храма вавилонским царем Навуходоносором в 586 г. до н. э. (библеисты датируют поэму VI – началом V в. до н. э.). С огромной художественной силой в Книге Плача, именующейся также по первому слову – горестному восклицанию *Эйха* («О горе!»), выражено страдание в связи с гибелью города, предстающего как женщина-вдова, потерявшая своих детей, в связи с гибелью многих людей и угоном столь же многих в плен. Кроме того, силу поэме придает представленная в ней религиозно-этическая концепция: вражеское нашествие понимается как следствие внутренней вины, недостаточной верности Богу, как справедливое наказание Божье. Однако это же дает надежду на возрождение: истинное покаяние и неизменная верность Богу помогут изменить судьбу, вернуться из плена, возродить Иерусалим и Храм. В библейской поэме поразительно соединение предельного натурализма в описании страданий и сложной метафорики, повышенной экспрессивности, эмоциональности и строгой сдержанности, лаконизма формы. В оригинале отдельные песни написаны трехстишиями и двустишиями и украшены алфавитным акростихом (см. подробнее: [4]). Шедевр библейской поэзии неслучайно вызвал массу подражаний в европейской поэзии и обработок в музыке Нового времени и стал основой жанра

трена, или *иеремиады*, – плача от имени Иеремии или в духе Иеремии в связи с различными общественными бедствиями или личными страданиями (см. подробнее: [4]).

Целью данной работы является установление архетекстуальной роли Плача Иеремии в поэзии М. Опица и определение своеобразия поэтики его переложения библейской книги, не становившейся объектом самостоятельного исследования ни в немецком, ни в российском, ни в белорусском литературоведении.

Основная часть. Мартин Опиц, совершивший настоящий переворот в немецкой культуре, доказавший возможность существования поэзии высокого гражданского пафоса и глубокого философского звучания на немецком языке, сознательно проецирует переломные моменты библейской истории, и прежде всего ситуацию вавилонского нашествия, разрушения Иерусалима, а затем Вавилонского пленения, на современное ему состояние Германии. Так, в одном из самых значительных своих произведений – монументальной лирической поэме «Слово утешения среди бедствий войны» (букв. – «Поэма-утешение в превратностях войны»: «*Trost-Gedicht in der Widerwertigkeit des Kriegs*», 1620–1621; опублик. в 1633) поэт призывает возвыситься духом над мерзостями жизни, найти опору в собственной душе и в вере, внутри себя обрести истинный Храм Божий, как обрели его иудеи, оказавшиеся в Вавилонском плену и сохранившие верность Завету с Единым Богом:

Разрушит враг твой дом, твой замок уничтожит,
Но мужество твое он обстрелять не может.
Он Храм опустошит, разрушит. Что с того?
Твоя душа – приют для Бога твоего.

(Перевод Л. Гинзбурга) [3, с. 46]

Закономерно М. Опиц первым из немецких поэтов обратился к целостному переложению Плача Иеремии, стремясь в диалоге с библейским текстом осмыслить трагическую ситуацию родины, обрести духовную опору. Сначала он сделал это на латинском языке, которым владел виртуозно. Его «*Planctus Ieremiae*» преследовал цель донести до европейских читателей правду о страданиях Германии (не стоит забывать, что латынь в Европе XVII в. по-прежнему оставалась языком международного общения). Затем Опиц создал переложение библейского Плача на немецком языке, демонстрируя его богатейшие возможности, в том числе и в освоении Священного Писания, в соревновании с ним. Одновременно это демонстрация возможностей введенной им новой, силлабо-тонической системы стихосложения. Переложение М. Опица, созданное в 1626 г., носит название «*Die Klag-Lieder Jeremiae*» («Жалобные песни [песни-плачи] Иеремии»). В этом немецкий поэт следует за лютеровским переводом, где книга названа

«DieKlageliederJeremias». Поэма состоит из пяти частей – в соответствии с количеством глав библейской книги. Каждая из первых четырех частей именуется «Песней-плачем» с соответствующим порядковым номером («DasersteKlag-Lied», «DasandereKlag-Lied», «Das dritte Klag-Lied» и т. д.), а последняя, пятая, называется «Молитва пророка Иеремии» («Deß Propheten Jeremias Gebett»), что особенно подчеркивает личностный характер как библейской книги, так и переложения Опица. Входя в образ Иеремии, он говорит не только от имени библейского пророка, но и от своего собственного имени, о своем времени, о своей боли из-за страданий родины.

Поэма Опица, написанная четким шестистопным ямбом, уравновешенность и симметричность которого подчеркивается цезурой после третьей стопы и парной рифмовкой (при этом рифма используется очень полнозвучная), гораздо объемнее библейского текста. Немецкий поэт в целом достаточно точно следует логике развертывания образов в Книге Плача, но практически каждый из них детализирует, дополняет своей энциклопедической эрудицией, иногда их по-своему адаптирует и поясняет. Сравним два первых библейских стиха (два поэтических трехстишия) Книги Плача, написанной тоническим стихом с преобладанием схемы 3+2 (элегический размер, именуемый *кина* – «плач»), с обязательной цезурой (в оригинале и переводе она графически отмечена большим пробелом), и начало переложения Опица:

Ах, осталась пустынной
 Стала, словно вдова,
 Правительница областей

столица, полная людом,
 госпожа народов,
 отдана в работу!

Безутешно плачет в ночи,
 Нет утешителя ей
 Предали друзья ее,

на щеках ее слезы,
 среди всех ее любивших,
 стали врагами.

(Плач 1:1–2; здесь и далее перевод И. Дьяконова и Л. Когана) [2, с. 23]

Wie steht die waise Statt, wie steht sie so verlassen,
 Sieht einer Witwen gleich, ist leer auff allen Gassen?
 Muß dann der Völcker Lust, der Stätte Zier und Schein,
 Der Länder Königin, muß die jetzt zinßbar sein?
 Wie weint sie, wann die Nacht, die Amme der Gestirne,
 Den stillen Weltkreiß deckt? wie macht sie ihr Gehirne
 Vom Heulen wüst' und matt, wie fleust der Threnen Bach
 Die bleichen Wangen ab, weil ja ihr Ungemach
 Kein Mensch nit trösten wil? hat dann der Freundtschafft Orden
 So gar den Meineid lieb? sind alle treuloß worden?[7, с. 244]

(Как стоит сиротливая столица [город], как стоит она, такая покинутая, / Подобная одной из вдов, пустая во всех переулках? / Должна ли народов услада, городов краса и свет, / Стран

царица, должна ли теперь данницей быть? / Как плачет она, когда ночь, кормилица созвездий, / Тихое мироздание накрывает? Как мозг ее / От рыданий [воя] спутан и изможден, как струится слез ручей / По бледным щекам, когда ее горе / Ни один человек не хочет утешить ? / Почему друзья [союзники] / Так клятвопреступление полюбили? Почему они все неверными стали? – *Здесь и далее подстрочный перевод наш. – Г. С.)*

Как очевидно, немецкий поэт стремится усилить экспрессивность библейского текста, сделать его более красочным (отсюда большее количество эпитетов и метафор), более глубоко изобразить психологическое состояние женщины-вдовы, в образе которой предстает оскверненный врагами город. В немецком языке, как и на иврите, слово «город» – *dieStadt* – женского рода, что позволяет сохранить и развить библейскую метафорику. Сравним начало поэмы в очень точном еврейском религиозном переводе Д. Йосифона: «Как одиноко сидит столица, (некогда) многолюдная, стала подобна вдове» [9, с. 177]. При этом важно употребление в оригинале глагола «сидит» (הָשִׁיבָה <*йашива*> [9, с. 177]), ибо в знак траура, согласно иудейской традиции, снимают обувь и сажаются на землю. Сравним в переводе М. Лютера: «Wie liegt die Stadt so verlassen, die voll Volks war!» [6, с. 786] («Как лежит город, столь покинутый, который прежде был полон народа!»). Употребление Опицем глагола *steht* («стоит») несколько приглушает трагизм библейского текста, а благодаря развернутой детализации теряются присущие ему лаконичность, суровость и особая экспрессивность. Прочитанный фрагмент уже позволяет увидеть, как в стиле Опица соединяются черты барокко и классицизма: первые проявляются в нагнетании метафор и одновременно конкретности и натуралистичности в изображении страданий, вторые – в логичности развертывания мысли, в стройности и упорядоченности синтаксиса, в рациональности структуры текста.

Именно Опиц впервые использует особый прием синтаксической организации стиха: краткие энергичные полустихия запечатлевают конкретные бедствия и, подобно мозаике, образуют целостную картину: «Die Thore stehen leer, die Priester sind in Noth, / Die Jungfraun krencken sich, und sie ist selbst halb todt» [7, с. 244] («Ворота стоят пустые, священники в нужде, / Девушки обесчещены, и сама она [Иерусалим] наполовину мертва»). Впоследствии этот прием воспримут и разовьют барочные поэты (например, А. Грифиус в сонете «Слезы Отечества»). Резонно предположить, что этот прием возник в немецкой поэзии под прямым влиянием поэзии библейской, и прежде всего Книги Плача. Сравним: «Пусты врата столицы, священники ее стонут, / Посрамлены ее девы, и самой ей горько» (*Плач 1:4*) [2, с. 23]. Далее в жалобе героини, обращенной к Богу, Опиц смягчает черты натурализма и со страстью поэта-проповедника разворачивает монолог, представляющий покаяние в грехах.

Тенденция некоторого смягчения библейского текста еще очевиднее проявляется во «Второй жалобе» – и прежде всего за счет детализации и спокойной, почти эпической интонации. Особенно это касается начала второй главы Книги Плача, где звучат горькие упреки Богу, допустившему столь страшные бедствия. Сравним библейский текст и соответствующие ему строки переложения Опица:

<i>Ах, Господь объял туманом Сбросил венец Израиля Не вспомнил о Своем подножьи</i>	<i>дочь Сиона во гневе! с небес на землю, в день гнева.</i>
<i>Безжалостно поглотил Господь Ниспроверг в Своем гневе Царя ее и князей</i>	<i>Иаковлевы жилища, укрепления Иудеи, осквернил, швырнул на землю.</i>
<i>Во гневе Своем срубил Он Отвел назад десницу Возжег в Иакове пламя,</i>	<i>рог Израиля, пред лицом супостата, что все вокруг пожирает.</i>
<i>Гнет Он лук Свой, как враг, Погубил, словно супостат, В шатре дочери Сиона</i>	<i>меч в Его деснице. все, что радовало очи. ярость пролил, как пламя.</i>
<i>Действует Господь, как враг: Все крепости его поглотил, Умножил в Иудее</i>	<i>поглотил Он Израиль, рассеял его укрепления, плач и стенанья.</i>

(Плач 2:1–5) [2, с. 27–28]

Wie kömpt es, daß der Herr von allem Ort' und Ecken
Die Tochter Zion doch hat wollen überdecken
Mit seinem starcken Grimm? Er hat die Herrligkeit
Und Ansehn Israels, den Ruhm der alten Zeit,
Vom Himmel abgestürzt, daß sie nun ewig büsse;
Er hat gar nie gedacht deß Schemels seiner Füße
Am Tage seines Zorns. Der Herr hat umbgekehrt
Deß Jacobs Wohnungen; hat biß in Grundt verheert
Der Tochter Juda Landt, hat ihre Wäll und Festen,
Darauff sie sich verließ, geschleiff' mit Strumpff und Aesten;
Der starcken Mauren Schutz gemacht der Erden gleich,
Entweihet und geschmäht ihr weites Königreich,
An ihren Fürsten auch ingleichen sich gerochen.
In tausend Stück hat er dem Israel zerbrochen
Sein Horn und gantze Macht, vor heissem Grimm entbrand,
Hat, als der Feind ankam, die Hülf' und gute Hand
Gezogen hinter sich, hat Feuer angestecket

In Jacob rings umbher und einen Brandt erwecket,
 Erwecket einen Brandt, der nichts läst unverzehrt,
 Der als ein wildes Thier sich hin und wider kehrt
 Und bringet alles hin; hat seinen schnellen Bogen,
 Wie ärgste Feinde thun, sehr schädlich angezogen;
 Hat seine rechte Hand zu streiten gantz geschickt
 Nach Widersacher Art, erwürget und zerstückt,
 Was mit Ergetzlichkeit und Anmuth war zu schauen
 In Zions schönem Zelt, er hat sie weggehauen,
 Der Augen beste Lust, er hat weit außgestreckt
 Sein Wüten als die Glut, so Lufft und Wolcken deckt.
 Der Herr war wie ein Feind; hat Israels Palläste
 Und sie darzu vertilgt, zerstöret ihre Feste,
 Der Tochter Juda Hertz' auch hoch und sehr verletzt
 Biß auff den letzten Gradt und sie in Leyd gesetzt.[7, с. 247–248]

(Как случилось, что Господь от всех краев и концов / Дочь Цион захотел накрыть / Своей сильной яростью? Он великолепие / И красоту Израиля, славу древних времен, / С неба низверг, чтобы она вечно каялась; / Он не вспомнил о Своем подножии / В день Своего гнева. / Господь опрокинул / Жилища Иакова; до основания опустошил / Страну [землю] дочери Иуды, ее валы и укрепления, / На которые она полагалась, снес до основания; / Мощные стены сравнял с землей, / Осквернил и опозорил все ее царство, / Как и ее князей. / На тысячу кусков разломал Он Израилю / Его рог и всю силу, / Жаркой яростью воспламенясь, / Когда враг пришел, помощь и добрую руку / Отвел назад, зажег огонь / В Иакове кругом и пробудил пожар, / Пробудил пожар, который пожирает все, / Который, как дикий зверь, рыщет там и сям / И все уносит прочь; Свой быстрый лук, / Как делают злейшие враги, губительно натянул; / Свою правую руку для наказания занес, / Как делает враг [сатана], душит и кромсает, / Что доставляло наслаждение и привлекало / В Цион прекрасном шатре, Он вырубил, / Очей высшую радость, Он широко распростер / Свою ярость, как пламя, покрывающее воздух и облака. / Господь был как враг; / Дворцы Израиля / И ее самоё поглотил, разрушил ее праздники, / Дочери Иуды сердце глубоко изранил, / До последнего предела, и ввергнул ее в страдания.)

Показательно, что в отличие от русских переводов в переложении Опица, также в отдельных фрагментах чрезвычайно близкого переводу, лучше сохраняется метафорика библейского текста, связанная с образом «дочери Сион», ведь на иврите *Цийон* (Сион) – слово женского рода, поэтому в Книге Плача, как и в пророческих книгах, Иерусалим и народ Израиля предстают в образе *בְּתוּלַת צִיּוֹן* [9, с. 178] <бат-Цийон> – «дочери Сион» (т. е. дочери Божьей, носящей имя Сион) или «девы Сион». В этом немецкий поэт следует не только оригиналу, но и Лютеровской Библии, где фигурирует именно «дочь Цион» (*die Tochter Zion* [6, с. 787]). Опиц расширяет эту метафорику, представляя Иерусалим и Иудею в целом в образе «дочери Иуды» (подобного образа нет в Библии). Парадоксально: в целом картина, нарисованная Опицем, более красочна. Поэт более детально изображает страдания, в еще большей степени гиперболизирует и метафоризирует библейские

образы, но именно суровость интонации, лаконичность, предельная напряженность, экспрессивность придают особую силу библейскому тексту. Так, например, далее в Книге Плача читаем:

<i>Его шатер разорен, как сад, Позабыть заставил в Сионе Царя и священника</i>	<i>погубил Он место собранья празднество и субботу, посрамил во гневе. (Плач 2:6) [2, с. 28]</i>
--	--

В переложении Опица этому трехстишию соответствуют шесть ямбических шестистопных стихов, и уже сам гораздо больший стиховой объем, соединяющийся с гораздо большей, чем в иврите, длиной слова, создает большую пространность, развернутость поэтического высказывания. К этому прибавляется красочная детализация библейских метафор за счет введения дополнительных сравнений. Так, действия Бога, позволившего врагам разрушить Иерусалим и Храм, метафорически уподобляемые Саду Господню, Опиц сравнивает с действиями свирепого зверя, рыщущего по саду, подкапывающего деревья и кусты, губящего плоды:

*Wie wann ein grimmes Thier in einen Garten reisset,
Wühlt Stämm' und Stauden umb und alle Frucht zerbeisset,
So macht es jetzt der Herr mit seinen Zelten auß;
Er hat die Hand gelegt an sein selbst eignes Hauß,
Sich Zions Feyertag und Sabbath lassen enden,
Die König' in dem Zorn und ihre Priester schenden.[7, с. 248]*

(Как свирепый зверь рыщет в саду, / Подкапывает деревья и кусты кругом и перекусывает все плоды, / Так поступает сейчас Господь со Своими шатрами; / Он возложил руку на Свой собственный дом, / Заставил закончиться для Цион праздник и Субботу, / Царей в гневе и ее священников посрамил.)

Немецкий поэт бережно сохраняет все библейские образы, но при этом практически всегда детализирует и разъясняет их со страстью ученого поэта-классициста и дополняет красочными и часто натуралистически-конкретными метафорами в духе барокко (последнему в целом очень близка метафорически-натуралистическая образность Плача). Так, от имени женщины, в образе которой предстают Иерусалим, Сион, Иудея, библейский автор говорит:

<i>Лишилась от слез я зренья, Наземь пролил Он мою печень, Дети грудные без чувств</i>	<i>нутро мое воспалилось, дочь моего народа погибла. лежат на площадях столицы. (Плач 2:11) [2, с. 29]</i>
--	--

У Опица этому трехстишию соответствует следующий фрагмент:

Mein' Augen beyde sind wie blutroth, daß man meinet
Es sey ein rohes Fleisch, sie sind fast außgeweinet,
Daß mir das Eingeweyd' hiervon zerbersten wil
Und daß die Leber mir für meine Füße fiel',
Als ich die Traurigkeit und Jammer sah' umbfassen
Die Tochter meines Volcks, als Seugling' auff den Gassen
Und Kinder wegen Speis' und Tranck verschmachtet sind.[7, с. 248]

(Мои оба глаза кроваво-красны, так что можно подумать, / Что это сырое мясо, они почти выплаканы, / Так что разрываются мои внутренности / И печень моя изливается под ноги, / Когда я вижу объятых скорбью и горем / Дочерей моего народа, когда грудные младенцы на улицах / И дети без пищи и питья умирают.)

Можно утверждать, что именно под воздействием библейской поэтики усиливаются барочные черты поэтики самого Опица, и не только в его переложении Плача, но и в его поэзии вообще, особенно когда он пишет о страданиях Германии. В целом это, однако, уживается с рационалистическим взглядом на действительность и на природу поэзии, с логичностью и ясностью стиля.

В «Третьей песне-плаче», как и в третьей главе Плача Иеремии, от своего имени говорит пророк или некий муж – объятый горестью очевидец бедствий родной страны. Несомненно, сам Опиц ощущает себя таковым и, входя в образ библейского лирического героя, оплакивает страдания родины, видя в них, как и автор Книги Плача, следствие справедливого Божьего гнева, и принимает на себя эти страдания: «Er hat mein Fleisch und Haut verwelckt und alt gemacht, / Zerschlagen mein Gebein und gantz mich hingebacht» [7, с. 250] («Он заставил увянуть и сделал старой мою плоть и кожу, / Разбил мои кости и привел туда [во тьму]»). Однако из бездны отчаяния, как и в Книге Плача, рождается надежда, связанная с упованием на милость Бога:

Der Herr der ist mein Theil, spricht meine Seel in mir,
Drumb will ich auch auff ihn mich lassen für und für.
Der Herr ist freundlich dem, der hertzlich auff ihn bauet;
Er ist der Seelen Trost, die nach ihm fragt und schauet.
Es ist ein köstlichs Ding in aller Noth und Pein
Vertrauen auff den Herrn und recht gedultig sein. [7, с. 251]

(Господь – мой удел, говорит моя душа во мне, / Поэтому я хочу на Него надеяться вновь и вновь. / Господь дружествен тому, кто сердцем на Него полагается; / Он – утешение души,

Приди, приблизься ко мне, приди, когда я страстно взываю, / Скажи мне: Будь верен, терпеливо жди Меня и надейся. / Господь, спаси мою душу и выведи Своей десницей отсюда; / Будь моей жизни защитой, иначе она прекратится.)

Как очевидно, М. Опиц, поэт эпохи напряженных мистических исканий, хотя и менее склонный к мистицизму, чем поэты чистого барокко, вкладывает в свое переложение Плача страстную мольбу души, жаждущей приближения к Богу, единения с Ним. Этот аспект сознательно усилен поэтом XVII в. в сравнении с библейским текстом.

В «Четвертой песне-плаче», как и в четвертой главе Книги Плача, вновь разворачивается впечатляющая картина страданий народа Божьего, парадоксально соединяющая метафорическое видение мира и натуралистичность изображения (черта, чрезвычайно характерная для поэтики барокко). При этом горькую констатирующую интонацию автора Плача («Ах, потемнело золото, червонное потеряло цвет свой! / Драгоценные камни рассыпаны на всех перекрестках. / Блестящие сыны Сиона, что на вес золота были, / Ах, ценятся что глиняный горшок, гончара изделие!» – *Плач 4:1–2* [2, с. 35]) Опиц заменяет риторическими вопросами и по-своему осмысливает библейские метафоры:

Wie hat das schöne Gold so häßlich können werden?
Wie tunckel sieht es auß? Wie ligt doch auff der Erden
Der Bau deß Heyligthumbs? Wie sind doch weit und breit
Die Marmor deß Pallasts zerbrochen umbgestreut?
Wie kömpt es immermehr, daß Zions edle Kinder
Als irrdne Töpffe sind, die jederman nicht minder
Dann Gold zuvor geschätzt? Jetzt sind sie Koth und Wust.[7, с. 253]

(Как могло прекрасное золото стать столь ужасным? / Почему оно выглядит тусклым? Как лежит на земле / Строение святости? Как далеко и широко / Мрамор разрушенного дворца разбросан? / Как случилось, что Сиона благородные дети – / Как глиняные горшки, а их каждый не меньше / Золота раньше ценил? Теперь они – грязь и мусор.)

С одной стороны, Опиц в некоторой степени «логизирует» библейские метафоры, рационально их поясняет и адаптирует для немецкого читателя, с другой – усиливает натуралистичность отдельных метафор и привносит в них новые смыслы, связанные с библейским контекстом, демонстрирует хорошее знание библейской истории и географии. Особенно показательно сопоставление следующих фрагментов:

Гортань и язык младенца	слиплись от жажды,
Выпрашивают дети хлеба –	никто им не отломит.

Даже пировавшие в роскоши на улицах гибнут,
Вращенные на пурпуре радуются отбросам.
(Плач 4:4–5) [2, с. 36]

Der Seugling stirbet schon und fängt kaum an zu leben,
Die Zunge bleibt ihm für Durst am Gaumen kleben,
Die Kinder heischen Brod und niemand bricht es nicht.
Den vormahls Speiß unnd Tranck, so weit der Sonnen Liecht
Die grosse Rundt bestralt, zu ihrem reichen Tische
Ward mit Gefahr gesucht, den kaum genungsamb Fische,
Die grosse Mittelsee und Nilus hat geschickt,
Die gehn jetzt schwächtig her; den Purpur ward gestickt
Zu Tyrus und Sidon am Palestiner Strande,
Die liegen jetzt im Koth und sind ihr' eigne Schande. [7, с. 253]

(Младенец уже умирает и вряд ли начнет жить, / Язык у него от жажды прилип к нёбу, / Дети выпрашивают хлеба, и никто им его не отламывает. / Те, для которых раньше еду и питье со всей земли, / Озаренной солнечным светом, к их богатому столу / С опасностью изыскивали, которым достаточно рыбы / Великое Средиземное море и Нил посылали, / Идут теперь истощенные; / Те, которые в пурпур были одеты / Из Тира и Сидона на палестинском берегу, / Лежат теперь в грязи и являют собой позор.)

Совершенно очевидно, что Опиц расширяет краткий библейский текст, как истинный поэт-эрудит дополняет его историческими деталями, связанными с библейской историей и географией, со знанием реалий жизни Древнего Ближнего Востока. С одной стороны, это смягчает напряженность, суровость и лапидарность библейского стиля, с другой – придает тексту переложения большую красочность и информативность в сравнении с библейским. Поэт-эрудит стремится не только дать поучение своим читателям, но и расширить его знания. Отсюда – апелляция ко многим историко-культурным реалиям, фигурирующим в Библии в целом, и стремление их пояснить.

Однако, безусловно, морально-этическое поучение, обращенное к современникам через новое прочтение древнего текста, – важнейшая задача Опица. Прежде всего ему важно акцентировать внутреннюю вину немцев (и главным образом власть имущих и служителей враждующих Церквей) за то, что происходит в Германии, как автор Плача акцентирует вину своего народа и его духовных лидеров за постигшие его бедствия. В Книге Плача читаем:

Кроткие женщины сами чад своих варили
В пищу себе, когда гибла дочь моего народа.

Лил свой гнев Господь,
Возжег огонь в Сионе, свою ярость довел до предела,
спалил его до основанья.

...*Нечестье* его священников, грехи пророков тому причиной,
Что праведников кровь в нем проливали.

Они бродят по улицам, слепые, испачканы кровью,
Так что невозможно к одеждам их прикоснуться.
(Плач 4:36–37) [2, с. 36–37]

Согласно законам Торы, кровь делает человека ритуально нечистым, и особенно страшно, если на руках и одежде человека кровь невинных. Библейский автор смело и дерзко говорит о вине и духовной слепоте именно тех, кто несет ответственность за духовное состояние всего народа. У Опица в сходном месте читаем:

Die Mütter, derer Hertz' auß Liebe sonst zerbrochen,
Die musten (ach der Angst) ihr' eigne Kinder kochen
Zu stillen ihren Bauch in solcher grossen Noth
Der Tochter meines Volcks. Der Herr, der starcke Gott,
Hat seinen Grimm vollbracht, hat gantz und gar zusammen
Geschüttet über uns deß heissen Zornes Flammen,
Hat eine wilde Glut in Zion angesteckt,
Daß nun ihr Grund und sie den wüsten Boden deckt.
...Daß aber diß geschehn, ist der Propheten Mangel
Und grobe Missethat; der Priester Laster macht,
Daß Gott sie hefftig strafft, die so viel umbgebracht
Ohn alle Schuld und Recht; sie giengen wie die Blinden
In ihrer Hoffart her, befleckt mit Blut und Sünden
Und rührten jener Kleid auch nicht auß Hochmuth an...[7, с. 253–254]

(Матери, чьи сердца любовью были разбиты, / Вынуждены были (о ужас!) своих собственных детей варить, / Чтобы свои желудки насытить в великой нужде / Дочери моего народа. Господь, сильный Бог, / Свою ярость осуществил, снова и целиком / Излил на нас жаркого гнева пламя, / Разжег страшный пожар у Цион, / Чтобы ее основание и ее самоё сделать пустынной землей. / ...В том, что это случилось, пророков изъян / И прегрешение; священников пороки привели к тому, / Что Бог их жестоко наказывает, тех, кто столь многих погубили / Без всякой вины и права; они идут, как слепые, / В своем высокомерии, запятнанные кровью и грехами, / И не прикасаются к той одежде из презрения...)

Сравнение данных фрагментов позволяет говорить, что во многих местах своего переложения Опиц тяготеет к практически точному, но более детализированному переводу. Картины страданий и позора сменяются надеждой и утешением: Господь вернет Свою милость тем, кто был стоек в страданиях и верен Ему, и накажет врагов Иудеи. И вновь сопоставим два фрагмента:

Явится конец наказанью: Иудея, тебя Он больше не изгонит!

А твое нечестье Он накажет, дочь Эдома, обнажит твои прегрешенья.
(Плач 4:22) [2, с. 38]

O Tochter Zion, wol, dein Creutze hat ein Ende;
Er wird dich Feinden nicht mehr lieffern in die Hände.
Ietzt aber, Edoms Kind, liegt seine Straff' auff dir;
Es wird nun deine Schuld entdecken, als wie mir. [7, с. 255]

(О дочь Цион, твоей муке [кресту] придет конец; / Он больше не отдаст тебя в руки врагов. / Но теперь, дитя Эдома, на тебе лежит Его наказание; / Будет твоя вина открыта, как и моя.)

Двум стихам (четырем полустихиям) оригинала соответствуют четыре строки Опица (как всегда, стиховой объем у него больше в несколько раз). При этом вновь подчеркнем, что у немецкого поэта, как и в древнееврейском оригинале, звучит выражение «дочь Сион» (*bat Cийон, Tochter Zion*), абсолютно соответствующее женскому образу в Плаче и у пророков и чаще всего не передающееся адекватно в русских переводах, где героиня превращается в «дочь Сиона». Сравним в Синодальном переводе: «Дщерь Сиона! Наказание за беззаконие твое кончилось...» (*Плач 4:22*). Однако в лютеровском переводе, с которым, безусловно, был хорошо знаком и на который опирался Опиц, метафора передана очень точно: «Aber deine Schuld ist abgetan, du Tochter Zion...» (*Klag 4:22*) [6, с. 790]. В равной степени ему были знакомы греческий и латинский переводы, где метафорика оригинала бережно сохранена: *θύγατερ Σιών* [8, с. 765], *filia Sion* [5, с. 1254]. В русском же переводе И. М. Дьяконова и Л. Е. Когана имя *Иудея*, вероятно, и понадобилось, чтобы сохранить женский образ. И хотя в оригинале сказано, что Господь больше не изгонит свою дочь – Сион, Опиц расширяет этот смысл: Он больше никогда не отдаст Свою дочь Цион в руки врагов. Безусловно, поэт, который видел назначение поэтического слова в том, чтобы быть духовной опорой и утешением людям, транслирует эту идею и через свое переложение Плача, тем более что и для древнего автора чрезвычайно важны мысли о надежде и слова утешения своему народу.

В наибольшей степени надежда на возвращение милости Божьей и избавление от страданий звучит в пятой части поэмы (как и в пятой главе Книги Плача), где, входя в образ библейского пророка, немецкий поэт более всего говорит от своего имени, о своем страшном времени, о своей родине, о своем народе:

O Herr, bedencke doch, Herr, nim dir doch zu Herten
Das Leyd, so uns betrifft, schau' unsre Schmach und Schmertzen
Mit Vatteraugen an, sieh' unser güld'nes Land,
Das Milch und Honig trug, ist nun in frembder Hand
Und unsre Häuser auch; wir sind zu Waisen worden

Und unsre Mütter sind im armen Widwen Orden,
Sie haben keinen Mann, wir keine Väter nicht...
<...>
Herr, bring' uns doch nun heim und nim uns wider an;
Verjüng' uns widerumb, beschenck uns mit den Jahren,
Die also glücklich sind, als jene vormals waren... [6, с. 256]

(О Господи, вспомни же, Господи, прими к Своему сердцу / Страдание, что нас постигло, взгляни на наши позор и боль / Отцовскими глазами, посмотри – наша золотая страна, приносившая молоко и мед, сейчас в чужих руках / И наши дома тоже; мы стали сиротами, / И наши матери в толпе бедных вдов, / У них нет мужей, а у нас нет отцов... <...>/ Господь, верни нас домой и прими снова к Себе; / Обнови нас снова, одари нас годами / Такими же счастливыми, как те, что были раньше...)

Прочитированным фрагментам в Книге Плача соответствуют следующие строки:

Вспомни, Господи, что с нами стало, Надел наш перешел к чужакам, Будто сироты мы, без отца, <...> Неужели навек нас забудешь, Верни нас к Себе – и вернемся,	посмотри, взгляни на позор наш! дома наши – к чужестранцам. и матери наши, как вдовы. навсегда покинешь? обнови наши дни, как прежде! (Плач 5:1–3, 20–21) [2, с. 38]
---	---

Вновь совершенно очевидна манера обращения немецкого поэта с библейским текстом: он расширяет его изнутри, детализирует, поясняет; текст теряет при этом присущую ему лаконичность и суровость, особую экспрессию, но обретает бóльшую эмоциональность и вызывает ощущение полноты и законченности нарисованной картины.

Трагические мотивы Книги Плача пронизывают всю поэзию Опица, соединяясь со стоическим пафосом (впрочем, достаточно явно присутствующим и в самой библейской поэме) и со страстной надеждой на преодоление беды, искупление вины и возвращение милости Божьей, что можно также считать продолжением мыслей древнего автора. Так, в стихотворении «Жалоба», говоря о страданиях Германии, прежде всего о страданиях невинных, поэт с горечью усматривает в этом вину и самой Германии, предельно разобщенной, погрязшей в преступной войне, утратившей подлинную веру:

Вглядись в толпу сирот: что горше их печали?
Не только от меча отцы несчастных пали:
Кто смерти избежал, не тронутый в бою,
В бараке для чумных окончил жизнь свою.

Да, самый воздух наш таит в себе отраву!
Болезнь и мор вершат повальную расправу,
Терзают нашу плоть, из сердца кровь сосут.
Увы! Ни меч, ни щит от них нас не спасут.

Злодейская война растлила мысль и чувство.
Так вера выдохлась, в грязи гниет искусство,
Законы попораны, оплеваны права,
Честь обесчещена, и совесть в нас мертва.

(Перевод Л. Гинзбурга) [3, с. 41–42]

С особой силой страшные картины бедствий рисуются в «Поэме-утешении и превратностях войны» («Trost-Gedicht in der Widerwertigkeit des Kriegs»). Конкретность в изображении бедствий соседствует здесь с символикой, в том числе и библейской; интонации скорби, слезной жалобы – с интонациями гнева, стыда, вины; отчаяние – с надеждой. В целом можно утверждать, что и здесь в качестве генерального архетекста выступает Книга Плача. В предуведомлении к первой книге, которое одновременно является ее кратким содержанием, Опиц пишет:

Der Poet hat hier der beredten Leute Gebrauch nicht nachfolgen können, welche dessen Unfall, den sie trösten wollen, auff das beste als möglich verkleinern; sondern er beklaget weitleufig in diesem ersten Buche den jetzigen unglückseligen böhmischen Krieg, der größer und mehr bekannt ist, als daß er mit scheinbaren Worten möge geringer gemacht und mit Stillschweigen verdeckt werden. Darneben beweiset er, es geschehe diß alles nicht ohn sonderbare Schickung Gottes, und setzet die Ursachen, warumb er seiner Kirchen solches Creutz und Trübsal zusende [7, с. 270].

(Поэт здесь не может следовать обычаям красноречивых людей, которые считают залучше ево возможности преуменьшить то несчастье, в котором они хотят утешить; но он оплакивает многоречиво в этой первой книге нынешнюю несчастную богемскую войну, которая настолько велика и знаменита, что он не мог бы преуменьшить ее мнимыми словами и скрыть молчанием. При этом он доказывает, что все это произошло не без особого предопределения Божьего, и указывает причины, почему Он послал своим Церквам такие муки и скорбь.)

Это предуведомление недвусмысленно говорит о том, что, как и автор Плача, Опиц видит в трагедии Германии прежде всего ее собственную вину и справедливое наказание Божье:

Gott, Gott treibt dieses Werck, deß grossen Zornes Brunst
Und Rache greiff uns an, und solches nicht umbsunst.
Wir alle sind befleckt mit Schanden und mit Sünden
Von Adams Zeiten her, nicht einer ist zu finden

Der sonder Boßheit sey. Wir sind auß Gottes Huld
Entfallen durch uns selbst umb unsrer Laster Schuld.[7, с. 275]

(Бог, Бог наслал это бедствие, великого гнева жар / И возмездие настигли нас, и недаром. / Мы все запятнаны позором и грехами / Со времен Адама, не найти ни одного, / Кто не делал бы зла. Мы сами утратили Божью милость / Под тяжестью собственной вины.)

Поэт неоднократно говорит о собственной вине немцев в постигших их бедствиях, но больше всего хочет утешать свой народ, вселять в него надежду:

Deß schweren Krieges Last, den Teutschland jetzt empfindet,
Und daß Gott nicht umbsonst so hefftig angezündet
Den Eyffer seiner Macht, auch wo in solcher Pein
Trost herzuholen ist, sol mein Gedichte seyn.
Diß hab ich mir anjetzt zuschreiben vorgenommen...[7, с. 270]

(Груз тяжелой войны, которую сейчас переживает Германия, / И то, что Бог недаром так ожесточенно воспламенил / Свой гнев, а также где в таких страданиях / Найти утешение, – все это должно стать моими стихами. / Именно об этом я намерен сейчас писать...)

Если античные поэты обращались к музе, то Опиц, также с почтением относившийся к античной традиции и опиравшийся на образцы античной поэзии, все же чаще – и особенно в главном своем произведении – обращается с просьбой о вдохновении, об особом, порой жестоком огне, который воспламенил бы его сердце, к Богу:

Ich bitte, wollest mir geneigt zu Hülffe kommen,
Du höchster Trost der Welt, du Zuversicht in Noth,
Du Geist von Gott gesand, ja selber wahrer Gott
Gib meiner Zungen doch mit deiner Glut zu brennen,
Regiere meine Faust, laß meine Jugend rennen
Durch diese wüste Bahn, durch dieses neue Feld,
Darauff noch keiner hat für mir den Fuß gestellt.[7, с. 270]

(Я прошу, если можешь, приди мне на помощь, / О высшее Утешение мира, о Вера в беде, / О Дух, посланный Богом, да, Сам истинный Бог, / Дай моему языку Твоим пламенем гореть, / Направь мою руку, дай моей юности мчаться / По этому дикому пути, по этому новому полю, / На которое еще никто не ступал до меня.)

Говоря о новом пути, Опиц имеет в виду, что он первым открывает в немецкой поэзии тему войны, первым пишет о трагедии Отчизны – и в очень молодом возрасте: когда он начал свою «Поэму-Утешение», ему было чуть более двадцати лет. В этом смысле ему очень близок пророк Иеремия, в девятнадцать лет призванный к пророческому служению, равно как близки его чувствительность,

обостренное восприятие страдания и острое чувство сострадания. Немецкий поэт очень непосредственно выражает свое отношение к происходящему, предельное душевное потрясение, влияющее и на физическое состояние, например:

Mein Haar das steigt empor, mein Hertze zittert mir,
Nem ich mir diese Zeit in meinen Sinnen für.
<...> ...Mir schüttert Haar und Haut,
Wann daß ich dencken wil, was ich nur angeschaut.[7, с. 272]

(Мои волосы встают дыбом, мое сердце дрожит во мне, / Как только я вспоминаю об этом времени. / <...> ...У меня шевелятся волосы и дрожь по коже, / Когда я пытаюсь осмыслить то, что я вижу.)

Изображение бедствий Германии, как и в Плаче Иеремии, отличается жесткостью, порой натуралистичностью, и одновременно обобщенностью образов:

...Das Feld steht ohne Feld,
Der Acker fraget nun nach keinem grossen Bauen,
Mit Leichen zugesät; er fragt nach keinem Tauen,
Nach keinem Düngen nicht. Was sonst der Regen thut,
Wird jetzt genug gethan durch faistes Menschenblut.
<...> ...Wie manche schöne Statt,
Die sonst das gantze Land durch Pracht gezieret hat,
Ist jetzund Asch unnd Staub? Die Mauren sind verheeret,
Die Kirchen hingelegt, die Häuser umbgekehret. [7, с. 272]

(...поле стоит без поля, / Пашня не просит о возделывании, / Засеянная трупами; она не просит ни росы, / Ни удобрения. Что раньше делал дождь, / Теперь достаточно сделано жирной человеческой кровью. / <...> Как многие прекрасные города, / Которые прежде были украшением страны, / Стали теперь пеплом и пылью? Крепости разбиты, / Церкви уничтожены, дома разрушены.)

Неслучайно в нарисованную поэтом картину бедствий органично вписываются топосы Экклесиаста – «прах», «пыль», «тщета». Опиц с большой горечью, просто и афористично объясняет своему народу, что в этой кровавой войне, развязанной «во имя Божье», именно Бог и потерян, потеряно подлинное христианство, а истинное не может быть связано со служением суете и тщете, с насилием и кровью:

Der Zweck der Christenheit muß Gottes Name seyn,
Nicht Eytelkeit der Welt, nicht eusserlicher Schein
Und gleissend Heucheley; wir müssen kundbar machen,
Daß Christen Noth und Tod verhönen und verlachen;
Wir müssen lassen sehn gantz richtig, klar und frey,

Daß die Religion kein Räubermantel sey,
Kein falscher Umbhang nicht. Was macht doch ihr Tyrannen?
Was hilft, was nutzt euch das Martern, das Verbannen,
Schwerd, Feuer, Galgen, Radt? Gezwungen Werck zerbricht,
Gewalt macht keinen fromm, macht keinen Christen nicht.[7, с. 280]

(Целью христианства должно быть Божье Имя, / Не суетность мира, не внешний блеск / И лицемерие; мы должны сделать общеизвестным, / Что христиане презирают нужду и смерть и смеются над ними; / Мы должны увидеть совсем ясно, отчетливо и свободно, / Что религия не может быть ни в одеянии разбойника, / Ни в фальшивой мантии. Что же делаете вы, тираны? / Чем помогают, зачем нужны вам пытки, изгнания, / Меч, огонь, виселица, колесо? Разбейте орудия принуждения, / Насилие не делает праведным, не делает христианином.)

Временами поэма Опица напоминает пророческую проповедь, но более всего ему близки горькие интонации Плача Иеремии. Неслучайно немецкий поэт вспоминает о трагедии Иерусалима («So ward Jerusalem geleyet auff die Erden, /Die Gott sonst liebe Statt, sein außergehletes Hauß...») [7, с. 272] – «Так был Иерусалим низвергнут на землю, / Богом некогда любимый город, Его избранный дом...») и уподобляет ей трагедию своей страны, утверждая, что такова природа человека: ему свойственно бесконечно грешить, отступая от Бога, изменяя не только Ему, но и самому себе. Однако поэт-проповедник, воспитатель своего народа призывает, как и автор Книги Плача, к искреннему покаянию – не только на словах, но и на деле, приводя образцы такого покаяния из Писания – например, покаяния Давида после греха с Бат-Шевой (Вирсавией) и устранения ее мужа Урии (Опиц приводит покаянную молитву Давида, стилистика которой продиктована стилистикой Псалмов; см.: [7, с. 279]). Поэт напоминает о том, что милость Божья гораздо больше Его гнева, а самый гнев обрушивается на людей только для того, чтобы они отвратились от зла, вернулись к Богу. В любом случае нужно принять происходящее как справедливое наказание Божье, честно признать свою вину:

Sein Grimm ist nicht so groß, als seine Gütigkeit.
Wir können nicht vorbey und müssen alle sagen,
Er gebe billich uns das schwere Joch zu tragen;
Er straffe billich uns durch Feuer, Krieg und Schwert,
Weil wir auch uns von ihm zum Bösen abgekehrt.[7, с. 276]

(Его ярость никогда не бывает столь велика, как Его милость. / Мы не можем молчать и все должны сказать, / Что Он справедливо возложил на нас тяжкое ярмо; / Что Он справедливо наказал нас огнем, войной и мечом, / Потому что мы отвернулись от Него и выбрали зло.)

Опиц призывает вопреки внешнему разрушению святынь воздвигнуть подлинный Храм Божий в собственной душе и обрести опору в Боге, быть верным Ему и себе (в поэме ярко выражены стоические идеи):

Der Feind hat dir dein Schloß, dein Hauß hinweg gerissen:
Fleuch in der Mannheit Burg, die wird er nicht beschiessen.
Er hat den Tempel dir verwüstet auß und auß:
Gott schleust sich nirgend ein, sey du sein reines Hauß. [7, с. 272]

(Враг разрушил твой замок, твой дом: / Воздвигни из мужества крепость, которую он не обстреляет. / Он Храм твой опустошит вновь и вновь: / Бог не может быть ни в чем заключен, будь ты Его чистым домом.)

Именно эти строки цитировались в начале статьи в афористичном переводе Л. Гинзбурга.

Заключение. Таким образом, Книга Плача является для Опица одним из важнейших претекстов – архе- и архитектостом, определяющим проблемное поле, жанровую специфику и стилистику его религиозно-философской и гражданской поэзии. Библейская архитектостуальность, связанная с Книгой Плача, проявляется у Опица эксплицитно – в созданном им переложении – и имплицитно, в виде аллюзий и цитат, введения в свой текст отдельных топосов и мотивов в поэме «Слово утешения среди бедствий войны», в стихотворении «Жалоба» и других произведениях. Целостное переложение Плача, выполненное М. Опицем, задало генеральную парадигму осмысления страданий и вины Германии через призму библейского слова, соединило библейскую топику и стилистику с немецкой силлабо-тонической поэзией, создателем которой и был Опиц. В его подходе к библейскому тексту очевидно стремление его «логизировать» и рационализировать, объяснять различного рода культурно-исторические реалии. Но страсть поэта-проповедника, поэта-пророка придает подлинную силу переложению Опица, делая его блестящим образцом не только религиозно-философской, но и гражданской лирики. Впервые в немецкой литературе М. Опиц создает жанр поэмы-иеремиады, являющейся одновременно поэмой-проповедью, органично синтезирующей черты «ученого» классицизма и метафорику барокко. Именно ученичество у Библии, влияние ее поэтики обусловило усиление барочных черт в поэзии создателя Первой Силезской школы поэтов. Вслед за ним к теме страданий Германии, к проблеме вины и покаяния, к топике и стилистике Плача Иеремии будут обращаться другие немецкие поэты.

Литература

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические : Синодальный перевод.

2. Ветхий Завет: Плач Иеремии; Экклесиаст; Песнь Песней / пер. и коммент. И. М. Дьяконова, Л. Е. Когана при участии Л. В. Маневича. – М. : РГГУ, 1998. – 343 с. – (Памятники мировой культуры).
3. Немецкая поэзия XVII века / пер., сост., предисл. и примеч. Л. Гинзбурга. – М. : Худож. лит., 1976. – 208 с.
4. *Синило, Г. В.* Книга Плача (Плач Иеремии) в контексте мировой культуры / Г. В. Синило // Скрижали. – Сер. «Ветхозаветные исследования». – Вып. 13 / сост. и гл. ред. архимандрит Сергей (Акимов). – Минск : Ковчег, 2017. – С. 6–66.
5. *Biblia Sacra Vulgata* / праер. R. Gryson. – 4., verbr. Aufl. – Stuttgart : Deutsche Bibelgesellschaft, 1994. – 1980 S.
6. *Die Bibel: nach der Übersetzung Martin Luther, mit Apokryphen.* – Stuttgart : Deutsche Bibelgesellschaft, 1999. – 1082+382 S.
7. *Opitz, M.* Weltliche und geistliche Dichtung / M. Opitz. – Berlin ; Stuttgart, [1889]. – URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Opitz,+Martin/Gedichte/Geistliche> (датаобращения: 20.07.2016).
8. *Η Παλαια Διαθηκη κατα τους ό* = Septuaginta / ed. A. Rahlfs. – Stuttgart : Deutsche Bibelgesellschaft, 1979. – 1184+941 S.
9. *כתובים* = Кетувим [Писания] : иврит. текст с парал. рус. пер. / пер. под ред. Д. Йосифона. – Иерусалим : Мосад арав Кук, 1978. – [394] с.